

Дунай (14)

А в стольнѣм во городе было во Кieve,
А у ласкова у князя да у Владимира,
А заводилосе ле да пирѡваньє, да столѡваньє,
А заводилса у князя да всё почестен пир.
А все как ле на пир да собиралисє,
А все ли на почестен да съезжалисє,
А съезжались все купцы, люди торговья,
А сбирались все крестьяна православныя,
А съезждялись богáтыри удалыя.
А заходят да во гринюшки столовыя,
А крест-от кладут по-писáному,
А поклон ле ведут по-учéному,
А поклонились князю да как Владимиру,
А сажались за столы да, знать, дубовыя,
А за те ли питья-кушанья сахáрныя,
А сахáрны пития-кушанья, медвяныя.
А пир ле идѣт у их в полупира,
А стол-то идѣт у их в полустолá,
А солнышко-то катитца ко западу,
А от западу ле катитца ко зáкату —
А все ли на пиру да напивалисє,
А все ли на чесном да наедалисє,
А все ли на пиру да пьяны-вѣселы,
А все ли на пиру да приросхвастались,
А все ли на пиру ле да розбахвалилисѣ:
А глупой-ѣт-то хвастат да молодѡй жоной,
А ище глупее хвастат да роднѡй сестрой,
А умной-ѣт да хвастат роднѡй мáтушкой.
А купцы-те хвастают те товáрами,
А ле теми ли товарами заморскима.
А богáтыри хвастают своей силушкой,
А не той ли силушкой богáтырскую,
А не вы́слугою ле да паленицькою.
А Олѣшенька хвастáт да всё добрым конѣм,
А добрым конѣм да своим кáрюшком:

«А могу скáчить — могу вы́скочить!»
А Владимир-князь да н́чем не хвастает,
А по гринюшки да он всё похаживáт,
А сапог о сапог да ле поколачивáт,
А серебряными шпорами побрякивáт,
А злачеными перстнями принащёлкивáт,
А такие ле речи выговаривáт:
«А еще все ли у меня в городе поженены,
А красны девушки замуж выданы —
А я-де, Владимир, нонь холóст хожу,
А я холóст хожу́, да не женат брожу́.
А не знайти ли как мне ли как сопружницу,
А сопружницу да мне ле, как полюбовницу,
А полюбовницу да мне — как красную девицу:
А статным-статна́ была она, статнэшенька,
А белым-белá была, белэшенька,
А алым-алá была, алэшенька,
И из кости в кости мозг катаетца,
А по белым грудям жемчуг рассыпаетца —
А кабы было мне кого кнегиной звать,
А кабы былó кому мне поклон воздать?..»
А большóй-то прэчетця за среднего,
А среднэй-то хоронитца за мёньшего,
А от мёньшего нонеца — ответу нет.
А повторяёт-то Владимир во второй након,
А подтверждает Владимир в третей након.
А из того бы местицька высококого,
Из той нонь лавоцьки дубовыйи
Востоват-то Добрынюша на резвы́ ногы́.
А выскакивал Добрынюша из-за столика,
А вставал Добрыня да на серёдку-пол,
Ай говорил Добрыня да таковы́ слова́:
«А ты позволь-ка мне, князь да стольне-киевской,
А ты позволь мне-ка слово молвити,
А слово мóлвити да речи говóрити —
А не казните мне за́ слово, не вешати,
А во дальние ссылочки не ссылать меня!» —
«А говори, говори ты, Микитиць млад,
А говори, говори, да чего тебе надобно!» —

«А было-то во городе во Шахове,
А в Ша́хове-городе — во Ля́хове,
У того ли короля было ляхови́нского,
У его как ле было ноне да две дочери:
А перва́-то Настасе́я да королевная,
А втора́ Апраксе́я-королевная.
А Настасьюшка-дочь — да полени́ца зла,
А поленица как зла-приудалая.
Апраксеюшка была дочь приумная,
А статны́м-статна она, статнёшенька,
А белы́м-бела была она, бела-белёшенька.
Ай алы́м была ала́ она, алёшенька,
А из кости [в кости мозг катаетца],
А по белы́м [грудя́м жемчуг рассыпаетца], —
А есь ли кого да всё кнегиной звать,
А ка' есь ле кому поклон воздать.
А я не сам видал — а от людей слыха́л,
От Дунаюшка слыхал да от Иванови́ця,
От Иванови́ця да Колыбанови́ця:
Он сидит ю тебя да в тёмном погреби!»
А на то ли князь да приослышился,
А закричал да нонь князь да во всю голову:
«Ох вы го́й еси, слуги мои верные,
А верные слуги да неизменные!
Вы берите скорей да золоты́ ключи́,
Вы бегите скорей да по чисту́ полю́,
А по тому ли роздольицу широкому,
Вы бегите скорей к тому ле нонь погребу́,
А ле к тому ле нонь погребу́ глубокому,
Отмыкайти замки скоро немецкия,
Отпирайте нонь двери да всё железныя,
А поклонитесь Дунаюшу Иванови́цу,
А Иванови́цу да Колыбанови́цу:
А его ли князь звал да на понесен пир,
А без его ле нонь пир да не пируетца,
А без его ле нонь стол да не столуетца!»
А говорил ле Дунаюшко таково́ слово́:
«А застоялась да у мя кровь горячая,
А застоялись у мя плечинька могучия —

А не могу ле я выйти вон из погреба!..»
А запирали нонь двери они железныя,
А побежали нонь слуги да всё в обратный путь,
А заходят да во гринюшки столовыя,
А говорят ле нонь князю да таковы́ слова:
«А застоюлася у Дуная да кровь горячая,
А застоелись плеч[инька могучия],
А застоелись рэзвы ноженьки ходячия —
А не можот как выйти ён из по́греба!»
А на то ли Добрыня был догадлив же,
А схватил он стóечку зеленá вина,
А взял он братынечку серебряну,
А побежал ле скорей во чистó полё,
А не к тому ле по́гребу глубокому.
Отмыкал ле замки скоро немецкия,
Отпирал ле нонь двери да всё железныя,
А поклонилсэ Дунаюшку Ивановицу,
А Ивановицу ле да Колыбановицу:
Я тобой ле, удалый, да всё захвасталса,
Я тобой ле, удалый, розбахвалилса!»
А наливаёт братынычку зеленá вина,
А подава́т Дунаюшку Ивановицу,
А Ивановицу ле да Колыбановицу.
А берёт Дунаюшко единóй рукой,
А пьет-то Дунаюшко к ёдину духу.
А повторяет он да втору́ такú,
А берёт-то [Дунаюшко единóй рукой],
А пьет ле то [Дунаюшко к ёдину духу].
А загорелася-то у Дуная кровь горячая,
Расходилисе плеченька могучия —
Оставāт Дунай да на ременчат стул,
А выскакива́т Дунай да он из погреба.
А пошли ёни-от с Добрынюшкою Микитицём,
А пошли да ёни скоро-на́скоро.
А стречают да их нонь да всё публика,
А заходят да ёни да во те полáтушки,
Да ле те ле полатушки белокаменны,
А во гриднюшки да всё столовыя.
А крест-от кладёт Дунай да по-ученому,

А поклон ведёт да по-писаному,
А поклонилса Дунай да во все стороны,
А ле тем ли гостям да приходящим же,
А князю Владимиру — да в особицу.
А посадили Дуная да во передний стол,
А наливают стаканы да позолочены,
А подавают Дунаюшку Ивановицу,
А Ивановицу ле да Колыбановицу.
Говорил ле он князь стольне-киевский:
«Ах ты ой еси, Дунай сын Ивановиц,
А Ивановиць да сын Колыбановиць!
А ты везде ле бывал, везде служивал,
Ты не знашь ле как мне-ка и богосужену,
Богосужону — да красну девицу:
А статным-статна́ была [она статнёшенька],
А бел[ым-бела] была ёна́, белёшенька,
А белыма рукама была да рукодельлива,
А алым-ала [была ёна] й алёшенька,
А из кости в кости [мозг катаетца],
А по белым ее груд[ям жемчуг рассыпаетца], —
А было кого мне кнегиной звать,
А было бы кому мне-ка поклон возд́ать?»
Говорил ле Дунаюшко таковы́ слова:
«Я жил у короля у ляховицького,
Я в тех погребных́ был целовольницьках.
У его ли есь нонеча да две дочери:
А перв́а-то ле Настасья-королевная,
А втор́а Апраксея-то королевная.
А Настасьюшка-дочь — да палени́ца зла,
А поленица зла да приудалая.
Апраксеюшка-дочь была приумная,
А статным была статна́ она, статнёшенька,
А белым была бела она, белешенька,
А белыма рукама рукодельлива,
А алым-ала́ [была она алешенька],
А из кости [в кости мозг катаетца],
А по белым ее груд[ям жемчуг рассыпаетца],
А есь ли кого тебе [кнегиней звать],
А было бы кому да всё поклон возд́ать!»

А говорил ищё да князь стольне-киевской:
«Ты бери скóлько да золотóй казнý,
А ты бери́ чего надо войска же,
А поезжай ле скорею свататься!»
А говорил Дунай да таково́ словó:
«А не надо от тебя золотá казнá,
А не надо от тебя несметна войска же —
А только дай ле да два товарища:
А во первы́х да Ильюшу ноньце Муромца,
А во вторы́х Олешеньку Поповиця,
А во третьи́х Добрынюшу Микитиця.
Не отдаст добром — возьмём си́лушкой,
А не той ли силой да бо́гатырской!»
А седлал да уздал нонь добры́х коней,
А седлал-уздал скоро-на́скоро.
А видели юдалых — стремена ступил,
А видели юдалых — на коня скочил,
А не видели поездоцки бо́гатырской,
А только видели: в цистом полюшки курева́ стоит,
А курева́ ле стоит, да пыль столбо́м валит.
А едут юдалы скоро-на́скоро,
А поезжают к городу к Лиховинскому.
А не доезжают они нонь за́ пять вёрст,
А поставили шатёр да белобархатной,
А составили кушанья нонь медвяныя,
А думушку думают нонь крепкую же:
А кому идти, да кому свататьца?..
Говорит ище старый да таково́ словó:
«А Дунаюшку итти — ёму да свататьца —
Он живал ле там да во слúжницьках,
А во слúжницьках да во замоцницьках,
А он в тех ли погребных да целовальницьках!»
А говорит ле Дунай таково́ словó:
«Через ча́сик приезжай-то, Илья Муромец,
Через два приезжайте вы, добры мо́лодцы:
А не отдаст добром — мы возьмём силушком,
А той ле силой бо́гатырской».
А седлал нонь Дунай добра́ коня,
А седлал-уздал да скоро-на́скоро,

А заскакивал на коня да скоро-на́скоро,
А видели — Дунай да в стремена ступил,
А видели — Дунаюшко на коня скочил,
А не видели поездецьки бо́гатырскойей,
А только видели: в цистом поле да курева́ стоит,
А курева́ ле стоит, да пыль столбом валит.
А поеждяет ле он ко королю да лиховинскому,
А поеждяет ко королю на широкий дом,
А вяжет коня да нонь ко тому столбу́,
А за тое ле за кольцо за позолочено.
А бежит а ле Дунай да скоро-на́скоро
А во те ли во гриднюшки столовые,
А отпира́т-от двери крэ́пко-на́крепко,
А затворят двери скоро-на́скоро.
А крест-от тот кладёт по-писа́ному,
А поклон ле ведёт да по-учёному,
А поклонилсэ королю он леховинскому:
«Уж ты здравствуй, король да леховинский же!»
А говорил-то король-де леховинский же:
«Ой ты го́й еси, Дунай да сын да Ивановиць,
А Ивановиць да сын да Колыбановиць!
Не опять ли ты приехал да мне в услуженьице́,
А во ключьницики приехал-ка, в замоцьницики,
А те ли в погрёбны да в целовальницики?» —
«Я не во ключницики приехал да не в замочницики,
Я не в те ли тебе погребны целовальницики —
Я о добром деле — да о свáтовстве!» —
«За кого же ты нонь да сватаешься,
За себя сватаешься иль за́ друга?» —
«Я за того за короля да стольне-киевского,
Я за солнышка нонь за Владимира».
Говорил ле король да леховинский же:
«Ёго ма́ла земля ныне и бёдно же,
Не отдам за короля за стольне-киевского!»
А говорил Дунай да таковы́ слова́:
«А не отдашь ле добром — возьмём силушкой,
А не той ле силой да бо́гатырскойей». —
«А есь ли играть у вас в пешки яросны?»
Забегает Добрынюшко Микитиц в пешки играть, ударились в заклад

великий. Поиграл Добрынюшко
в пешки-шахматы скоро-на́скоро. Король леховинский об заклад ударил.
А ударились в заклад нонь великий же:
А поставить метоцьку великую,
А такую ле метоцьку за пять вёрст —
Из туга лука стрелять нонь каленóй стрелóй.
А занес князь да, право, тўгой лук,
А дават ле нонь старому натéгивать
А те ли тетивоцьки шелкóвые.
А принялся нонь старой ед́иной рукой,
А натегивал струночки шелковыя —
Переломил лук нонь трое-на́трое.
А потребывал нонь старой да свой лук —
А принесли ему лук скоро-на́скоро.
А натягивал ён лук скоро-на́скоро,
А вкладывал он стрелочку раскалénную,
А спустил он стрелочку нонь в меточку —
А розострелил он меточку как на́двое.
А Олёшенька в город въехал же,
Розломал у казёнки ноньче двери же,
А выкатил сороковоцку на улочку,
А навешивал ковшечки серебряны:
«А пейте нонь, голь трепéтова,
Поминайте Апраксею да королевну!
А не умели они отдать да доброй волею,
Без того битья да кроволития!»
А у старого кровь закипела да кровь горячая,
Росходилися да плечинька могучия,
Засверкали глаза у ёго с искрами:
А схватил он князя да леховинского —
А отрубил его голову нонь надвоё.
А побежал ле во гринюшки во столовья,
Выводил Апраксею да королевну же,
Выводил ле он, старой, да скоро-на́скоро.
Апраксеюшка-дочь да всё приплакива́т:
«Ох ты го́й еси, батюшка да родитель же!
А не умел ли ты отдать да с чести-радости —
А тебе ли нонь сняли да буйну голову!»
А посадил кнегиню Дунаюшко на коня,

А поехал он да скоро-на́скоро.
А Настасьюшки дома дак не случилось,
А была Настасья да во чистом поли,
А заметила порядки нонь не малыя:
А повезли как родну нонь родну сестру.
А натягиват она́, право, ту́гой лук,
А вкладыват нонь стрелочки калёныя,
А стречат да всех могучих да бо́гатырей.
Россержалса Дунаюшко Ивановиць,
А отдал королевну нонеча старому:
«Ты вези нонь, Ильюша да ведь Муромець —
Я поеду да как с ней да сражаться нонь!»
А поехал Дунай да скоро-на́скоро...
А схватилися они да как съехались,
А скакали они да с добрых коней,
А схватилися они нонь, удалы, в охабоцьку.
Они билисе да дралисе нонь три часика —
У Настасьи ногá да подвернуласе,
А упала Настасья да на сыру́ землю,
А взлетели да подолы нонь долгиe.
А говорит Дунай да таково́ словó:
«Как упал я на женские лёжена,
А стыдно было мне, срамно!..»
Как взмолилася Настасьюшка Дунаюшку:
«Не губи, не казни ты, Дунаюшко,
А возьми лучше за себя супружницей».
А поднял ле Дунаюшко за белы́ руки,
А целовал ле Дунай уста сахарныя.
Говорила ле Настасьюшка таковы́ словá:
«А поедем ле ко мне да на широкой дом,
А приёмем закон нонь брачной же,
А живи ле как у нас нонь да царствуй же!»
А согласилсе Дунай да сын Ивановиць,
А поехал во город нонь во Ша́хов же,
А во Ша́хов же, да нонь в Ляхов же,
А во те ли полатушки белокаменны,
А принели закон да нонече брачный же,
А сделали как пир великолепный же,
А не тот ле нонь пир на всю неделюшку.

Они пировали, король принял, потом поехали в гости к князю Владимиру.
А Дунаюшко стал звать во чесны́ гости
Ко тому ле ко князю да стольне-киевскому,
А не к той ле Апраксеи да королевне же,
А ко своей же сестре да к однокровной же.
А срежались они да скоро-на́скоро,
А поехали они да [скоро-наскоро] —
А поеждяют они к королю да стольне-киевскому,
А не к тому ли ноне солнышку да к Владимиру.
А встречали они да по-хорóшему,
А встречают они с музыкой да с воргáнами,
А встречают ли с публикой великаю.
А сделал ноне князь великолепный пир
Для того ли Дунаюшку Ивановицу.
А соби́ралисе-соезжалисе
А не те ли крестьяна православныя,
А не те ли купцы, люди торговыя,
А те ли богáтыри удалыя.
А пир ле у их, пир идёт во полúпирá,
А солнышко катитца ко зáпаду,
А от западу — кáтитца ко закату:
А Настасьюшка-дочь как привыпила,
А говорит ле Настасья да таковы́ слова́:
«Ох ты ой еси, Дунай да сын Ивановиць,
А Ивановиць да сын да Колыбановиць!
А жил ле у нас да в услуженьицах,
А в ключницьках да во замочницьках,
А тех ли погребных целовальницьках —
А привела судьба в супружество.
А прежде стреляла — тебя обстреливала
А не ту ли в полоску нонь, в меточку!..»
А загоралася у Дуная кровь горячая,
Расходилися плечинька могучия:
«А поставить ноньче ту меточку!»
А поставили меточку как в три версты,
А вызвал Настасью ноньче стрéлить ей
Из того ли лука ей тúгого,
А той ли стрелочкой раскалённой.
А метит Настасья нонече в меточку,

А попала в меточку самую же.
Натягиват Дунай, право, тугой лук,
А вкладыват нонь стрелочку раскалённую,
А метит стрелочку ей в белую грудь.
А стрéлил Дунай ведь в белу грудь —
А застрелил Настасью: да повалиласе.
А вымал ле он ножищэ, да кинжáлище,
Роспорол да ей нонеце бéлу грудь:
А зарожоны у ей да два отрока.
От того ли он бесчесья да великого
А наставел Дунай нонь вострб копье,
А он бросилса, Дунай, на вострб копье —
А заколол он себя скоро-на́скоро!
А ту ле об ём славы́ поют.

*(Зап. А. М. Астаховой 24 июля 1928 г.: д. Лебская Лешуконского р-на — от
Гольчикова Якова Евдокимовича, 61 года.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.